

Лепехин Е. О. Роман „Американская мечта” Нормана Мейлера как один из примеров американского эстетического экзистенциализма

В статье выполнен анализ романа Н. Мейлера „Американская мечта” на предмет его принадлежности к экзистенциальной литературе. Используются ключевые экзистенциальные категории „проект”, „человек”, „случайность”. Доказано, что художник слова описывает человека, как и другие писатели экзистенциальной ориентации, в поисках собственного бытия.

Ключевые слова: роман, автор, сартризм, экзистенциализм, совпадение, мотив.

Lepyokhin Ye. O. Norman Mailer's novel „An American Dream” as an example of the American aesthetic existentialism

In the article the comparative analysis of the novel „An American Dream” by N. Mailer has been done as to its adherence to the tenets of the existential literature. The key existential notions have been used „project”, „man”, „contingency”. It has been proved that the author like other existentialists describes human being in the search of his entity.

Key words: novel, author, sartrism, existentialism, contingency, motive.

Стаття надійшла до редакції 07.12.2012 р.

Прийнято до друку 24.01.2013 р.

Рецензент – д. філол. н., проф. Козлик І. В.

УДК 821.111-94.09

Д. В. Новохатский

**АЛЬТЕРНАТИВНО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ПРИРОДА РОМАНА
РОБЕРТА ХАРРИСА „ФАТЕРЛАНД”**

Альтернативная история находится на стыке отраслей гуманитарного знания – истории, философии, социологии, где сложилась определенная традиция трактовки альтернативно-исторических теорий [1];[5]. В то же время работ, посвященных литературной специфике альтернативно-исторических произведений, мало: среди исследований последних лет выделяется статья С. Козловой [3]; иногда проблемы альтернативной истории рассматриваются в общем контексте осмысления истории в современном литературном процессе. За рубежом

литературная альтернативная история привлекает гораздо большее внимание ученых (монография К. Хеллксон [7] и др.).

В отечественном литературоведении практически отсутствуют как работы, посвященные анализу и интерпретации конкретных альтернативно-исторических произведений, так и исследования, ставящие перед собой более глобальную задачу, – выявление места художественной альтернативной истории в системе литературных жанров и родов, сущности ее связей с документальной литературой. Конкретно анализу романа „Фатерланд” в контексте его жанровой принадлежности посвящена статья Г. Ишимбаевой „Фатерланд” Р. Харриса: антиутопия или альтернативно-исторический роман?” [2], исследование Б. Фассбендера [6], однако очевидно, что как сам роман, так и в целом альтернативно-историческая художественная литература исследованы недостаточно. Цель данной статьи – на примере романа Дж. Харриса „Фатерланд” показать ряд типичных особенностей альтернативно-исторической художественной литературы.

Роман „Фатерланд” вышел в свет в 1992 г., и сразу стал бестселлером: было продано более миллиона экземпляров, роман был переведен на двадцать пять языков, а через два года, в 1994 г., был экранизирован. Успех „Фатерланда” показателен для альтернативно-исторической литературы, расцвет которой не случайно пришелся на эпоху доминирования постмодерна: тотальное сомнение затронуло не только сферу аксиологии, но и осмысление объективности исторического процесса. Схема альтернативной истории, задающей вопросом „А что могло бы быть, если...?”, идеально укладывается в рамки постмодернистской парадигмы мышления. Кроме того, коммерческий успех подчеркивает пограничное положение альтернативно-исторической литературы, которая (в рамках постулатов постмодернизма) находится на пересечении массовой и элитарной литературы, с характерным в таком случае двойным кодированием.

В „Фатерланде” массовый код очевиден с первых страниц. Прежде всего, он проявляется в жанре произведения: „Фатерланд” – классический детектив американского типа с точки зрения как композиции, так и содержания. В типично детективной манере экспозицией повествования является обнаружение неизвестного тела без каких-либо улик преступления, после чего начинает разворачиваться цепочка, на первый взгляд, не связанных между собой событий: обнаружение тела – идентификация личности погибшего – серия подобных алогичных внешне преступлений – раскрытие глобального заговора, четко выявляющего логику связей между жертвами – развязка. В романе присутствуют два обязательных, шаблонных для массового детектива, элемента – запретная любовная связь и предательство ближайшего друга.

Во многом шаблонным оказывается набор персонажей романа: прежде всего, это честный инспектор Ксавьер Марш, обладающий

острым аналитическим умом, но продвинуться по карьерной лестнице которому не позволяет не вполне уживчивый характер. Как и полагается данному типу героя массовой культуры, Марш разведен, и бывшая жена ограничивает его общение с ребенком. В традиции детектива, заложенной еще историями о Шерлоке Холмсе и Эркюле Пуаро, протагониста-детектива сопровождает неуклюжий помощник-тугодум. Эту роль в романе играет Макс Йегер, коллега по криминальному отделу, помогающий по мере возможности нелегальным расследованиям Марша. Роль Йегера модифицируется под воздействием американской массовой культуры (прежде всего, кинематографической), и он выполняет функцию осведомителя и предателя, сообщающего в органы о каждом шаге своего товарища.

Важной особенностью „Фатерланда” является характерная для детектива атмосфера „саспенса”, в которой шаблонность ситуаций и типажей героев сочетается с увлекательным сюжетом, загадки которого не раскрываются полностью до самого финала повествования. Показателен образ Шарлотты Магуйар – дерзкой молодой журналистки из Америки, приехавшей в долгосрочную командировку в Берлин. С одной стороны, это распространенный в массовой культуре образ безапелляционной карьеристки, стремящейся сделать себе имя на сенсационном материале. В то же время, роль Магуйар в цепочке преступлений и сущность ее любовной связи с протагонистом остаются нераскрытыми: в финальных сценах читатель видит Магуйар „глазами” Ксавьера Марша, однако индикаторов того, насколько его представление о ее действиях после их расставания соответствует действительности, нет. Вариант развязки, в котором Шарлотта – тайный агент немецких служб, также имеет право на существование.

Последовательное проявление массового кода в „Фатерланде” демонстрирует одну из основных особенностей альтернативно-исторической литературы: читатель может вполне освоить текст без тщательного анализа исторических или культурологических деталей. При „массовом” прочтении основу текста романа составляет набор штампов, которые мало зависят от конкретного наполнения рамочного повествования и не требуют большой интеллектуальной работы. Так, едва Шарлотта Магуйар появляется на страницах романа, можно определенно сказать, что между ней и Маршем возникнет связь, Йегер вызывает подозрения в своей лояльности с самого начала книги и т.п.

Элитарный код „Фатерланда” раскрывается только при анализе сюжета в контексте исторической эпохи, изображенной в романе: таинственные убийства, причину которых пытается найти следователь Марш, разворачиваются в альтернативно-историческом мире, в котором Германия победила во Второй мировой войне, и в романе изображен мир развитого фашизма.

В классических исторических и современных псевдоисторических романах динамический „массовый” сюжет, подобный сюжету

“Фатерланда”, разворачивается на фоне реально имевших место или выдаваемых за таковые событий. Приключенческая или детективная интрига помогает объединить документально засвидетельствованные факты, характеризующие определенную эпоху, и авторский вымысел, создавая целостную ткань текста. При этом еще со времен В. Скотта, в историческом романе судьба героев оказывается тесно переплетенной с важными историческими событиями в переломной точке истории: возвращение Ричарда Львиное Сердце в Англию („Айвенго”), пленение Людовика XI Карлом Бургундским („Квентин Дорвард”), война Алой и Белой Розы („Черная стрела” Р. Стивенсона) и т.п. Ритм повествования и разворачивающаяся интрига напрямую зависят от темпа фактически имевших место исторических событий, и сам переломный момент обычно является для исторического романа настоящим временем.

В альтернативно-историческом произведении переломным моментом является точка бифуркации пространства, после которой история начинает идти по пути, отличному от реально-исторического. Степень соотносительности альтернативной и исторической реальности может быть различной: от резкого различия до практически полного соответствия, когда на альтернативную природу художественной реальности указывают лишь некоторые детали. В „Фатерланде” очевидна типичная особенность альтернативно-исторических романов: в отличие от исторических произведений, в них переломный момент действительности находится в прошлом, и художественная реальность погружает читателя в последствия этого перелома, часто достаточно отдаленные.

В романе Р. Харриса действие отнесено к 1964 г., тогда как окончательное расхождение с объективной реальностью датируется 1944 г., когда СССР капитулировал, и Германская империя расширилась вплоть до Урала. Наиболее яркое проявление бифуркации пространства в книге — это, конечно, собственно победа Германии во Второй мировой войне, однако этой победе предшествует ряд важных событий, не соответствующих фактической истории и не связанных между собой причинно-следственными связями: Рейнхард Гейдрих переживает покушение 1942 г. и впоследствии назначен главой СС, президентом США становится Джозеф Кеннеди (отец реально ставшего президентом Джона Кеннеди), Германия удачно проводит план „Блау” по оккупации Кавказа, что провоцирует поражение СССР в Сталинградской битве. Эти три ничем не мотивированных события, каждое по отдельности и в то же время все в комплексе, определяют ход последующей истории в альтернативном художественном мире произведения (распад СССР, испытание атомной бомбы, возвращение Эдуарда VIII на английский трон и превращение Великобритании в союзника Германии и т. п.). Такую точку бифуркации можно назвать распыленной или дисперсной, т. к. выделить доминантное событие по отношению к остальным невозможно.

Важной особенностью точки бифуркации в „Фатерланде” (как и в большинстве альтернативно-исторических произведений) является ее немотивированность: автор не объясняет, что позволило Гейдриху выжить или Джозефу Кеннеди выиграть президентские выборы. Так реализуется основополагающая для альтернативной истории концепция нелинейности исторического развития. Как замечает исследователь философии истории В. Нехамкин, „между предположением, задаваемым конструкцией „если бы”, и выдвигаемой на его основе гипотезой никаких доказательств нет” [5, с. 18]. Данное замечание релевантно в исторической науке, требующей четкого анализа задокументированных фактов, однако „Фатерланд” – роман монопространственного типа, т. е. художественная реальность, в которой происходят события, представлена как единственно возможная, и, что важно, исторически имевшая место. Соответственно, одной из ведущих характеристик „Фатерланда”, как и в целом альтернативно-исторической литературы, является псевдодокументальность.

Знакомство читателя с *якобы* документальными фактами обычно требует от автора отхода от собственно событийной канвы произведения, так как отдельных фактов альтернативной реальности, раскрываемых в диалогах персонажей произведения, недостаточно для создания целостной картины иного мира. Чаще всего она складывается в пространственных авторских отступлениях или в размышлениях протагониста (в случае „Фатерланда” используются оба способа), причем для адекватного восприятия произведения эти сведения приводятся буквально на первых страницах произведения (в „Фатерланде” – часть вторая), и далее в тексте воспринимаются как данность.

Альтернативно-исторический роман, как и собственно исторический, сочетает в себе документальное и художественное начала. Показателен тот факт, что в „Фатерланде” альтернативная история Второй мировой войны изначально мало соотносится с массовым сюжетом и лишь создает внешний экзотический антураж стандартной детективной истории (следователь Марш – работник СС, ход расследования определяется соперничеством между различными немецкими спецслужбами), но в ходе развития интриги становится сущностью действия. Развязка романа также напрямую зависит от реалий альтернативного мира „Фатерланда”.

В „Фатерланде” система персонажей сочетает в себе вымышленные (Марш, Йегер, Магуайр) и реальные исторические личности (прежде всего, Артур Небе и Одило Глобочник, хотя упоминаются Гитлер, Гиммлер и другие представители элиты фашистской Германии), но в отличие от исторического романа, где фантазия автора в отношении реальных личностей является необходимым условием создания художественного произведения, но жестко ограничена документально зафиксированными историческими фактами, автор альтернативно-исторического романа более свободен: он

сам творит новую историю, изменяя соответствующим образом объективную реальность. Как утверждает Г. Ишимбаева, „писатель экспериментирует с историческими личностями, переписывая в соответствии со своим замыслом их реальные судьбы. Все они в пространстве книги живут вымышленной жизнью” [2].

О. Глобочник и А. Небе вошли в историю как активные борцы за окончательное решение „еврейского вопроса” как в самой Германии, так и на оккупированных восточных территориях, но в романе Р. Харриса Глобочник и Небе превратились в антагонистов, чьи характеры определяются их отношением к протагонисту – Маршу: Глобочник – организатор и исполнитель убийств, которому неудобна деятельность следователя, представлен как кровожадный бесчеловечный садист, тогда как образ Небе в „Фатерланде” весьма далек от исторического оригинала: старый фашист, защищающий не столько Марша, сколько интересы своего ведомства, наделен гораздо более привлекательными чертами. Ни Небе, ни Глобочник не выходят за рамки классических для массовой литературы ролей Злодея и Помощника Героя, но именно через эти два образа автор выводит сюжетную линию на центральную проблему романа – холокост, провозглашенный официальной политикой Германии после Ванзейской конференции 1942 г.

Исследовательница А. Перри в своей статье [8] прямо называет „Фатерланд” одним из романов, посвященных трагедии холокоста. Действительно, Ванзейская конференция и истребление евреев являются центральными элементами элитарного кода „Фатерланда”, и именно осмысление этой трагедии лежит в основе идеи романа. Убийства немецких высокопоставленных лиц, которые пытается раскрыть Марш, совершены немецкими спецслужбами накануне визита американского президента, чтобы окончательно „решить вопрос” и навсегда скрыть улики военного преступления. Центральная интрига массового кода раскрывается уже в середине романа: известна причина убийств, сущность связи между жертвами и обстоятельства их гибели. Однако перед элитарным читателем ставится другая загадка: действительно ли население Германии не подозревало о масштабах военных преступлений и о существовании лагерей смерти? Прямой ответ на этот вопрос в „Фатерланде” отсутствует, хотя финальная сцена романа, изображающая Марша посреди руин концентрационного лагеря, свидетельствует, что во вселенной „Фатерланда” фашистское руководство намеренно обманывало собственное население. Это предположение, а также тайное соглашение о разделе ценностей, принадлежавших евреям, заключенное участниками Ванзейской конференции, вносят в сюжет книги криптоисторические элементы.

К. Хеллксон отмечает, что „история параллельного мира также строится на генетической теории исторического процесса” [7, с. 47]. Действительно, любое альтернативно-историческое произведение основывается на осмыслении реального исторического процесса, анализе

наиболее важных тенденций развития исторических процессов, выделении доминантных и второстепенных векторов развития истории, причем именно в альтернативной истории субъективность авторского осмысления этих процессов наиболее очевидна. В „Фатерланде” неизбежным итогом Второй мировой войны представлено послевоенное соперничество сверхдержав, в котором место СССР в противостоянии Соединенным Штатам Америки занимает Германская империя, но взаимоотношения противоборствующих блоков протекают по тем же законам, что и реальная холодная война, определившая судьбу мира во второй половине XX столетия. Таким же неизбежным, по мнению автора, является надгосударственное объединение стран Европы, однако в „Фатерланде” аналогом Европейского союза является оккупация континента Германией. Б. Фассбендер замечает, что „сравнение Харрисом немецкой оккупации Европы с современным Европейским сообществом в немалой степени способствовало неприятию книги в Германии и на самом деле является одним из наиболее спорных моментов романа” [6, с. 244].

Вопрос о гласности истребления евреев вносит в структуру „Фатерланда” немаловажный элемент: по сути, книга строится по правилам классической антиутопии, что придает сюжету более элитарную окраску, лишает его изначального массово-развлекательного оттенка. Ксавьер Марш напоминает Уинстона Смита из романа Дж. Оруэлла „1984”: изначально тщательно подавляющий свое недовольство государственной системой, под воздействием любовной связи Марш находит в себе силы на настоящий бунт против государственной машины (самостоятельное расследование и связь с иностранкой), причем бунт Марша предшествует открытию им преступлений режима. Как утверждает Р. Красильников, „вся повествуемая история приобретает смысл только в связи с концовкой. В ней расставляются смысловые акценты; если этого не делает автор, это приходится делать самому читателю, особенно в случае открытого финала” [4, с. 121]. В „Фатерланде” финал формально открыт, так как Марш остается в живых, а Шарлотта (как уверен Марш) находится в безопасности, но общий ход сюжета не оставляет сомнений в трагической развязке романа и поражении главного героя.

Вопрос, вынесенный Г. Ишимбаевой в заглавие статьи [2] („антиутопия или альтернативно-исторический роман”) не вполне корректен, так как первое определение не исключает второе. Как замечает С. Козлова, „аксиология социальной фантастики получила выражение в ее жанровой типологии: утопия, антиутопия, дистопия, атопия. Критики, пишущие об альтернативно-исторической прозе, избегают этой терминологии, будто бы изжившей себя <...> но выбор другой истории в конечном счете делается на основе авторского предпочтения из набора известных социальных моделей” [3, с. 76]. На примере „Фатерланда” очевидно, что альтернативно-исторический

роман – это макрожанр, могущий включать в себя элементы совершенно различных жанров: детектива, криптоистории, антиутопии, органично взаимодействующих в рамках альтернативно-исторической художественной реальности произведения.

Список использованной литературы

1. Жиряков О. Ю. Використання метода альтернативної історії у сучасній російській історіографії другої світової війни / О. Ю. Жиряков // Науковий вісник Миколаївського національного університету імені В. О. Сухомлинського : Збірник наукових праць. – Вип. 3.32 : Історичні науки. – Миколаїв : МНУ, 2012. – С. 222 – 229. **2. Ишимбаева Г.** „Фатерланд” Р. Харриса : антиутопия или альтернативно-исторический роман? [Электронный ресурс] / Г. Ишимбаева // Бельские просторы. – 2007. – Режим доступа : http://www.hrono.ru/text/2008/ishim01_08.html. **3. Козлова С. М.** Альтернативы прошлого и будущего России в современной отечественной прозе / С. М. Козлова // Вестник Томского государственного университета. Филология . – 2008. – № 3 (4). – С. 73 – 81. **4. Красильников Р. Л.** Танатологические концовки в рассказах Ф. Сологуба / Р. Л. Красильников // Вестник Российского государственного университета им. Канта. – 2010. – Вып. 8. – С. 121 – 126. **5. Нехамкин В. А.** Альтернативы прошлого в философии истории : теоретико-методологический анализ : автореф. диссертации на соискание ученой степени доктора философских наук : спец. 09.00.11 – „Социальная философия” / В. А. Нехамкин. – М. : МГТУ им. Баумана, 2008. – 35 с. **6. Fassbender B.** A Novel, Germany's Past, and the Dilemmas of Civilized Germans / Bardo Fassbender // Contemporary Review. – Vol. 265. – № 1546. – November 1994. – P. 236 – 246. **7. Hellekson K.** The Alternate History : Refiguring Historical Time / Karin Hellekson. – Kent, OH : Kent University Press, 2001. – 144 p. **8. Perry A.** Idioms for the Unrepresentable : Post-War Fiction and the Shoah [Текст] / Ann Perry // Journal of European Studies. – Vol. 27. – № 4. – December 1997. – P. 417 – 432.

Новохатський Д. В. Альтернативно-історична природа роману Роберта Харріса „Фатерланд”

У статті роман „Фатерланд” проаналізовано в цілісному контексті альтернативно-історичної художньої літератури про Другу світову війну, показано специфіку поєднання в романі масового та елітарного кодів, основні особливості художнього жанру альтернативної історії. З'ясовано, що детективну лінію роману побудовано на штампах масової культури, тоді як історичне питання, яке осмислюється у творі, – сприйняття голокосту населенням фашистської Німеччини. Проаналізовано наявні в романі елементи криптоісторії та антиутопії.

Ключові слова: альтернативна історія, Друга світова війна, біфуркація, подвійне кодування, голокост.

Новохатский Д. В. Альтернативно-историческая природа романа Роберта Харриса „Фатерланд”

В статье роман „Фатерланд” анализируется в целостном контексте альтернативно-исторической литературы о Второй мировой войне, показана специфика соединения в романе массового и элитарного кодов, основные особенности художественного жанра альтернативной истории. Выяснено, что детективная линия романа построена на штампах массовой культуры, тогда как исторический вопрос, который осмысливается в произведении, – восприятие холокоста населением фашистской Германии. Проанализированы содержащиеся в романе элементы криптоистории и антиутопии.

Ключевые слова: альтернативная история, Вторая мировая война, би́фуркация, двойной код, холокост.

Novokhatskyi D. V. Alternate History in Robert Harris’s Novel „Fatherland”

In the article Robert Harris’s novel „Fatherland” is analysed in the context of alternate history literature about the Second World War. The peculiarities of joining mass and elite codes in the novel as well as main features of alternate history literary genre are shown. The detective line of the novelembodies multiple clichés of mass culture whereas the main historical problem aroused in the novel is the Holocaust reception by rank-and-file Germans under the Nazi regime. The novel includes elements of secret history and dystopia which were analysed.

Key words: alternate history, WW II, bifurcation, double coding, Holocaust.

Стаття надійшла до редакції 10.01.2013 р.

Прийнято до друку 24.01.2013 р.

Рецензент – канд. філол. н., доц. Галич А. О.